

*Меня часто называли безумцем,
а я никогда не отрекался от этого звания.*

П. Я. Чаадаев.

Всего чужого гордый раб...

Н. М. Языков.

В замечательном «Обзрении русской словесности 1829 года» Иван Васильевич Киреевский (1806 – 1856) подчеркивал: «Нам необходима философия: все развитие нашего ума требует ее. <...>. Но откуда придет она? Где искать ее?»².

Киреевский понимает, что нам не обойтись без усвоения «умственных богатств той страны, которая в умозрении опередила все другие народы». Но он понимает и то, что «чужие мысли полезны только для развития собственных. Философия немецкая вкорениться у нас не может. Наша философия должна развиваться из нашей жизни, создаться из текущих вопросов, из господствующих интересов нашего народного и частного быта».

Задача поставлена. Но кто сделал первый серьезный шаг к ее осуществлению? Кто заслужил право на звание первого русского философа в полном смысле слова, то есть на звание самостоятельного мыслителя, который сумел свести свои основные воззрения в одно целое?

Ответы даются разные, но среди них явно преобладает тот, который наиболее откровенно и четко сформулировал С. А. Левицкий (1908 – 1983): «О русской мысли в собственном, философско-научном смысле слова всерьез можно говорить лишь начиная с 40-х годов XIX столетия, когда впервые Чаадаевым был поставлен ребром вопрос о смысле существования России, а русская мыслящая ин-

теллигенция разделилась на два лагеря – западников и славянофилов»³.

В том же духе, пусть и в более сдержанных выражениях, значение Чаадаева оценивается В. В. Зеньковским (1881 – 1962) и Н. О. Лосским (1870 – 1965), авторами широко известных трудов по истории отечественной философской мысли. Но и те знаменитые представители русской философии, которые не создали обобщающих трудов по ее истории, не забывали при случае отметить особое положение Чаадаева. Например, в книге Н. А. Бердяева (1874 – 1948) «Миросозерцание Достоевского» (1923) мы читаем: «Скорбный, трагический образ Чаадаева стоит у самого исхода движения созревшей русской мысли XIX века»⁴.

Что касается современных российских философов, то для них труды философов-эмигрантов играют роль парадигмы, за границы которой они практически никогда не выходят. Поэтому (а также и по другим причинам, о которых будет сказано позже) их отношение к Чаадаеву является глубоко благоговейным. Так в современном энциклопедическом издании некто В. В. Сапов сообщает о своем герое: «Он автор первой в истории русской мысли системы, которая синтезирует в себе религию, философию, историософию и то, что сегодня можно назвать социологией (в широком смысле слова)». Хотя с частностями этой системы «можно спорить», продолжает Сапов, но «только после Чаадаева русская философия стала философией в подлинном смысле слова»⁵.

³Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М.: Канон. 1996. С. 9. Левицкий не вполне точен: первое «философическое письмо» Чаадаева увидело свет еще в 1836 г.

⁴Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М.: Искусство, 1994. С. 20.

⁵Русская философия. Энциклопедия. Изд. второе под общей редакцией М. А. Маслина. М.: Книговек, 2014. С. 758.

²Киреевский И. В. Избранные статьи. М: Современник. 1984. С. 51.

Итак, в наши дни Чаадаев фактически канонизирован как первый русский философ «в подлинном смысле слова», и не просто первый; в Чаадаеве готовы видеть чуть ли не демиурга, который внес порядок в хаос русской мысли, отделив элементы «славянофильские» от элементов «западнических». Вслед за этим «второй Чаадаев» В. С. Соловьев (1853 – 1900) сумел «примирить» эти элементы, создав «философию всеединства», из которой выросла «русская религиозная философия Серебряного века» – и вот вам история русской философии *in pace*. Какой простой и прозрачной становится эта история благодаря правильно выбранной «точке отсчета» в лице Петра Яковлевича Чаадаева!

И, однако, это та простота, которая хуже воровства – причем в буквальном смысле. Выдавая Чаадаева за эталон философа, у нас крадут целый ряд мыслителей, творчество которых этим «эталонном» нельзя измерить. Мыслителей, которых с полным правом можно назвать классиками русской философии XIX века⁶.

Но этим не исчерпывается фальсификация истории отечественной философии, связанная со стремлением смотреть на эту историю *sub specie* Чаадаев. За самыми редкими исключениями «чаадаевоведы» как прошлого, так и настоящего тщательно ретушируют «творческий портрет» своего кумира, излагая его взгляды сугубо выборочно, обходя молчанием те многочисленные места в его «Философических письмах», которые свидетельствуют о крайне низком уровне его философского мышления, о поразительном убожестве его культурно-исторических воззрений.

Только устранив подобные искажения, мы получим возможность увидеть учение Чаадаева в его настоящем виде, – на мой взгляд, отталкивающим для каждого русского человека. Не забудем и о

том, что у Чаадаева, конечно, нашлись последователи, которые в той или иной степени продолжали – и продолжают сегодня – его «дело». Снять грим, убрать ретушь – значит разглядеть это «дело», губительное не только для русской философии, но и для всей русской жизни.

Вместе с тем, нельзя правильно оценить Чаадаева, не сопоставляя его воззрения со взглядами русских мыслителей совсем иного склада. Верно судить о заблуждении можно только по контрасту с истиной. Таким образом, мой критический очерк посвящен не только Чаадаеву, но и настоящим творцам русской философии, хотя их голос будет звучать с этих страниц лишь в самых необходимых случаях.

* * *

О жизни Петра Яковлевича Чаадаева (1794 – 1856) я расскажу кратко, следуя и здесь правилу: снять грим и прояснить те моменты, о которых принято молчать или говорить весьма невнятно. Кроме того, для нас наиболее интересный факт биографии Чаадаева связан с адресатом «Философических писем» – Екатериной Дмитриевной Пановой. Но о ее судьбе, о той роли, которую сыграл в ее жизни Чаадаев, уместно поговорить уже после знакомства с его письмами к ней.

Петр Чаадаев, рано потерявший родителей, был воспитан в доме своей тетки, дочери М. М. Щербатова (1733 – 1790), автора известного публицистического сочинения «О повреждении нравов в России». Бросается в глаза поразительное сходство первого из «Философических писем» с начальными страницами дедовского памфлета. И дед, и внук питают очевидное пристрастие к отрицанию «нет», когда речь идет о России. Правда, «нет» Щербатова относится, главным образом, к царствованию Екатерины Великой, тогда как «нет» Чаадаева используется для отрицания русской истории *in toto*. Прогресс, как говорится, налицо. Но приведу (с неизбежными сокращениями)

⁶ См. о них подробнее: Ильин Н. П. Трагедия русской философии. М.: Айрис-Пресс, 2008. 608 с.

характерный фрагмент из сочинения деда.

Мы читаем: «Несть ни почтения от чад к родителям <...>. Несть ни родительской любви к их исчадию <...>. Несть искренней любви между супругов <...>. Несть родственнической связи <...>. Несть дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своей. Несть верности к Государю <...>. Несть любви к отечеству <...>; и несть наконец твердости духа, дабы не только истину перед монархом сказать, но ниже временщику в незаконном и зловредном его намерении попротивиться»⁷.

Вот такая сплошная «нетовщина», которая, несомненно, повлияла на внука как идеологически, так и еще сильнее – психологически..

Как же протекала жизнь Чаадаева после того, как он получил «замечательное для того времени образование» в доме Щербатовых? Несколько лет он слушал лекции в Московском университете, а затем был зачислен подпрапорщиком лейб-гвардии в Семеновский полк и участвовал в Отечественной войне 1812 года, а также в заграничном походе русской армии. Казалось, Чаадаева ждала блестящая военная карьера (его даже прочили в адъютанты Александра I), но она оказалась разбитой (в 1820 г.) в результате темной истории, которая породила «крайне неблагоприятные для Чаадаева слухи: говорили, что он предал своих товарищей <...>. Кризис в судьбе Чаадаева не обошелся для него даром: он упал духом и стал особенно восприимчив к болезням»⁸. То, что Чаадаев «сильно упал в мнении товарищей-офицеров, среди которых был весь цвет тогдашней интеллигенции», признает и весьма расположенный к нему автор статьи в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона либеральный публицист и историк Б. Богучарский (В. Я. Яковлев).

За время службы Чаадаев успел вступить в одну из масонских лож (выйдя из нее в 1818 г.), а затем в «Союз благоденствия» (в 1819), который был непосредственным предшественником «Северного общества» декабристов; в это последнее Чаадаев

вступил уже после своей отставки в 1821 г. Впрочем, спустя два года он покинул Россию и вернулся на родину только в середине 1826 г. Давая показания по делу декабристов, Чаадаев совершенно откровенно отрекается от своих бывших единомышленников, заявляя, что «ни к какому тайному обществу никогда не принадлежал» и считает «безумством и вредным действие тайных обществ вообще»⁹.

Любопытная деталь: сообщив об этом не слишком мужественном поведении Чаадаева, современная писательница ничтоже сумняшеся называет его «рыцарем верной памяти своих сосланных и казненных друзей»¹⁰. Богучарский-Яковлев поступил умнее нашей экзальтированной современницы: он просто отметил, что «Чаадаев не любил говорить впоследствии о своих отношениях к декабристам».

Практически сразу после вынужденной отставки Чаадаевым овладели мистические настроения масонского толка, которые, по убеждению

М. О. Гершензона, соединились с «острым психозом»¹¹. Вообще, Гершензон, в отличие от большинства «чаадаеведов», уделяет самое серьезное внимание «нервному расстройству» Чаадаева, подробно описывая его патологические проявления. Не пошло впрок и достаточно продолжительное пребывание за границей: «Он все время лечился, и все без успеха»¹².

После возвращения в Москву (в 1826 году) Чаадаев становится «затворником», избегая встреч со знакомыми на улице, пряча лицо под шляпой и

⁷О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М. «Наука». 1983. С. 2. С предисловием Искандера (Герцена). Оригинал напечатан в Лондоне в 1858 г.

⁸Русский биографический словарь. СПб. 1905.

⁹Кайдаш-Лакшина С. Чаадаев и Панова // Судьбы великих русских женщин. М.: «Мартин», 2005. С. 261.

¹⁰Там же. С. 262. Стилистика автора сохранена.

¹¹Гершензон М. О. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление // М. Гершензон. Избранное. Т. 1. М. – Иерусалим. 2000. С. 401.

¹²Там же. С. 405.

т. п. А в 1828 г. он начинает работу над «Философическими письмами», – по собственному позднему признанию графу С. Г. Строганову, «во время сумасшествия», доведившего его до посягательств на собственную жизнь.

Так или иначе, «Философические письма» (на французском языке) были закончены, по-видимому, в 1831 году, хотя их «доработка» продолжалась до 1836 года, когда в журнале «Телескоп» был опубликован русский перевод первого из «Писем». Можно предположить, что работа над «Письмами» способствовала если не полному выздоровлению Чаадаева, то отказу от «добровольного затворничества». В частности, на начало 1830-х годов приходится знакомство Чаадаева с Иваном Киреевским; в письме к нему Чаадаев отмечает «общие идеи, общие надежды». Результатом этого общения была статья Киреевского «Деятельный век» (1832), где собственные наблюдения автора чередуются с высказываниями вполне во вкусе Чаадаева; например, Киреевский заявляет: «у нас искать национального – значит искать необразованного»¹³. Спустя четыре года Чаадаев сообщит читателям «Телескопа»: «В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному просвещению»¹⁴.

Влияние Чаадаева на Ивана Киреевского остро переживал его младший брат Петр Киреевский (1808 – 1856), писавший в 1833 г. поэту Николаю Михайловичу Языкову: «Эта проклятая чаадаевщина, которая в своем бессмысленном самопоклонении ругается над могилами отцов и силится истребить все великое откровение воспоминаний <...>, – так меня бесит, что мне часто кажется, как будто вся великая жизнь Петра родила больше злых, нежели добрых плодов»¹⁵. С беспощадной точностью Петр Киреевский анатомировал «чаадаевщину» в следующих словах: «Я с каждым часом чувствую живее, что отличительное, существенное свойство варварства – беспомысленность, что нет ни высокого дела, ни стройного слова без живого чувства своего достоинства, что чувства

собственного достоинства нет без национальной гордости, а национальной гордости нет без национальной памяти»¹⁶.

Между тем Чаадаев предается сразу двум занятиям: энергично ищет издателя для «Философических писем» и одновременно добивается возвращения на государственную службу, и не где-нибудь, а «по дипломатической части». Сначала он сообщает о своем желании начальнику Третьего отделения графу А. Х. Бенкендорфу, а затем, через того же Бенкендорфа, направляет «запечатанное письмо на имя Царя». Гершензон сардонически комментирует: «...ничего нет мудреного, если в Петербурге уже теперь зародилось подозрение насчет нормальности умственных способностей Чаадаева»¹⁷.

С «Философическими письмами» поначалу повезло больше: как уже отмечалось, первое из них было напечатано анонимно в сентябре 1836 г. в журнале «Телескоп». Впоследствии А. И. Герцен уверял: «Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь <...>. “Письмо” Чаадаева потрясло всю мыслящую Россию»¹⁸. Потрясло-то оно потрясло, но как именно? Строго говоря, никто из выдающихся (или хотя бы просто заметных) деятелей русской культуры тех лет не стал «подписываться» под письмом Чаадаева, хотя у него и нашлась, по-видимому, своя клака преимущественно женского пола, о чем метко писал в том же 1836 г. Денис Давыдов:

*Старых барынь духовник,
Маленький аббатик,
Что в гостинных битъ привик
В маленький набатик.*

¹³ Европеец. Журнал. И. В. Киреевского. М.: Наука, 1989. С. 316.

¹⁴ Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского. СПб.: Наука, 1991. С. 30.

¹⁵ Киреевский И. В., Киреевский П. В. Полное собрание сочинений. Т. 3. Калуга. Гриф. 2006. С. 371-372.

¹⁶ Там же. С. 372.

¹⁷ Гершензон М. О. Указ. соч. С. 436-439.

¹⁸ Герцен А. И. Былое и думы. Части 1-5. М. Художественная литература, 1988. С. 375.

***Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum!***

Были и те, кто отвечал корректно, но твердо — таково письмо Пушкина, которое мы затронем уже после изложения «Философических писем». Реакцию русского общества в целом уместно передать словами явно расположенного к Чаадаеву В. В. Зеньковского: «Даже либеральные круги были шокированы, в консервативных кругах царило крайнее негодование»¹⁹. В качестве примера, выражавшего позицию «консервативных кругов», приведу замечания Михаила Николаевича Загоскина (1789 — 1852), писателя, ставшего одним из первоходцев жанра исторического романа в России. Эти замечания, написанные сразу после появления публикации в «Телескопе», не были тогда изданы, что соответствовало пожеланию самого Загоскина, писавшего о «статье» Чаадаева: «Мы уже привыкли к подобным ей, — и я никому не советовал бы возражать на нее: автор не стоит чести страдальца, всегда интересного для толпы невежд, хотя бы он был прав, как Иуда»²⁰.

Добавлю, что Загоскин метко называет «письмо» Чаадаева отравленной льдиной: это именно ледяное презрение ко всему русскому, это холодная клевета, лишенная эмоций, отсутствие которых делает риторику Чаадаева особенно бесчеловечной. Впрочем, мы еще вернемся к замечаниям Загоскина, самое важное из которых мною пока не названо.

Но уже сейчас отмечу реакцию князя П. А. Вяземского (1792 — 1878), замечательного поэта, умнейшего критика и мемуариста, который пронизательно заметил: «Письмо Чаадаева не что иное, в сущности своей, как отрицание той России, которую с подлинника списал Карамзин»²¹. Напомним, что Чаадаев взялся за свое сочинение как раз

тогда, когда вышли (уже посмертно) последние тома «Истории Государства Российского» Николая Михайловича Карамзина (1766 — 1826). В труде Карамзина с неведомой дотоле ясностью и силой выразилось национально-русское историческое самосознание, и это не могло не вызвать ярость Чаадаева, а заодно способствовать обострению его психического расстройства.

Что касается правительства, то его реакция была, на мой взгляд, и адекватной, и великодушной: было признано, что Чаадаев страдает «расстройством и помешательством рассудка», и предписано «снабдить его даровым медицинским пособием» и лечиться под наблюдением врача, не выходя из дома (Б. Богучарский).

На досуге Чаадаев сделал набросок под названием «Апология сумасшедшего» (оставшийся незаконченным), в котором попытался представить свои взгляды в более выгодном в глазах правительства свете. Впрочем, уже через полтора года, как отмечает Зеньковский, «все стеснения были отменены» и Чаадаев до самой смерти в 1856 г. продолжал жить во флигеле дома на Новой Басманной (отсюда и прозвище «басманный философ»), вел вполне свободную светскую жизнь (правда, отягощенную долгами, которые оплачивал его старший брат Михаил) и по-прежнему «блистал» в московских салонах. О том, что характер этого «блеска» по существу не изменился, свидетельствует стихотворение Николая Языкова «К Чаадаеву», написанное уже в самом конце 1844 года. Приведу из него три первые строфы:

***Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Ее предания святые
Ты ненавидишь все сполна.***

¹⁹Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л.: ЭГО. 1991. С. 163. Первое издание: Париж, 1948 г.

²⁰Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. Т. 2. М.: Наука, 1991. С. 544.

²¹Гершензон М. О. Указ. соч. С. 444.

***Ты их отрелся малодушно,
Ты лобызаешь туплю пап —
Почтенных предков сын ослушный,
Всего чужого гордый раб!***

***Свое ты все презрел и выдал,
Но ты еще не сокрушен;
Но ты стоишь, плешивый идол
Строптивых душ и слабых жен.***

Идол не сокрушен и поныне, отравленная льдина продолжает плавать, тщательно оберегаемая от солнечных лучей. Задача русской национальной философии сегодня: растопить эту льдину и спустить образовавшуюся жижу туда, где ей и место. Но добиться этой цели позволит только внимательный анализ «Философических писем» в целом, без тех умолчаний, которые стали фирменным знаком всех апологетов Чаадаева. Попытка такого анализа и представлена ниже.

* * *

«Философические письма» можно разделить на две основные части с вступлением и заключением. Роль вступления играет письмо первое, целиком посвященное России, а точнее, сравнению России и Запада. Первая часть охватывает письма со второго по пятое; здесь Чаадаев излагает свои общие религиозно-философские воззрения. Вторая часть состоит из шестого и седьмого писем; в ней мы находим, по выражению самого Чаадаева, его философию истории. Наконец, самое краткое восьмое письмо содержит взгляды Чаадаева на будущее, а конкретнее — на религию будущего.

Заметим, что во всех письмах, кроме первого, Чаадаев затрагивает Россию мимоходом в двух-трех фразах — и только. Поэтому считать «размышления о России» главной темой «Философических писем» нет оснований — Чаадаев ставил перед собой более широкие задачи, которые нам необходимо понять. Но поскольку именно первое письмо

наделало много шума и до сих пор является как бы визитной карточкой Чаадаева, а главное, имеет для русского читателя особенный интерес, мы остановимся на нем подробнее.

Впрочем, чтобы догадаться о характере этого письма, достаточно заглянуть в его конец, где Чаадаев указывает, наряду с датой (1 декабря 1829 г.), также место, где оно было написано. Место это — Некрополь, то есть город мертвых. Современный комментатор кратко поясняет: «Так Чаадаев называет здесь Москву». Да, ту самую Москву, о которой Александр Сергеевич Пушкин (по уверениям биографов Чаадаева, его друг) написал в седьмой главе «Евгения Онегина» ставшие хрестоматийными строки:

***Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!***

Для Чаадаева же Москва — это «город мертвых». Только что я сказал, что первое письмо Чаадаева вызвало много шума, а мог бы сказать (вслед за Шекспиром) точнее: много шума из ничего. Действительно, по мнению Чаадаева, Россия — это именно абсолютное ничто, с какой бы точки зрения на нее ни посмотреть: исторической, культурной, даже просто бытовой. О «ничтожестве» России он пишет вдохновенно, пишет пером, которое так и порхает по бумаге, изливая на Россию потоки презрения. Обращаясь к своей корреспондентке, Чаадаев вещает: «Окиньте взглядом все прожитые нами века, все занимаемое нами пространство — вы не найдете ни одного привлекательного воспоминания, ни одного почтенного памятника, который властно бы говорил вам о прошлом, который воссоздавал бы его перед вами живо и картинно». Россия для Чаадаева — вне истории: «Историче-

ский опыт для нас не существует; поколения и века протекли без пользы для нас <...>. Одинокие в мире, мы ничего не дали миру, ничему не научили его; мы не внесли ни одной идеи в массу идей человеческих, ничем не содействовали прогрессу человеческого разума <...>; ни одна полезная мысль не родилась на бесплодной почве нашей родины». Если читателю еще мало, добавлю: Чаадаев отрицает наличие у русских людей самых обыкновенных чувств и привязанностей: «Ни у кого нет определенной сферы существования, ни для чего не выработано хороших привычек, ни для чего нет правил; нет даже домашнего очага; нет ничего, что привязывало бы, что пробуждало бы в вас симпатию или любовь»²².

Что сказать об этих тирадах? Не имеет никакого смысла опровергать Чаадаева, указывая ему на вечный памятник русской истории – московский Кремль, на «стройный, строгий вид» Санкт-Петербурга, на существование уже тогда высокой русской словесности, от древнерусских летописей до В. А. Жуковского и А. С. Пушкина, и на многое другое. Чаадаев ко всему русскому слеп, ничего не видит и не хочет видеть; он «забыл» даже об Отечественной войне 1812 г., в которой сам участвовал. Куда же ему помнить о Куликовской и Полтавской битвах? Будь русская история и русская культура еще богаче – он все равно объявил бы Россию «ничем».

Интереснее другое. Доходящую до полного абсурда предвзятость Чаадаева трудно не заметить. Замечает ее, например, С. А. Левицкий, один из упомянутых выше историографов русской мысли, который признает: «Ни один русофоб не написал про Россию таких страшных осуждающих слов, как Чаадаев»²³. Но почти сразу поправляется, заявив, что «Чаадаеву открылась какая-то страшная правда о России» и что он вообще «один из глубочайших в тогдашней России умов». Таким образом, если верить Левицкому и прочим, писавшим и пишущим о Чаадаеве в том же духе, крайняя, от-

кровенно патологическая русофобия вовсе не мешает быть «глубочайшим» русским мыслителем и даже помогает открыть некую «страшную правду» о России. Что же это за «страшная правда»?

Записные «чаадаевоведы» обязательно укажут на фразу из первого письма, которая звучит так: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-то важный урок. Наставление, которое мы призваны преподавать, конечно, не будет потеряно; но кто может сказать, когда мы обречем себя среди человечества и сколько бед суждено нам испытать, прежде чем исполнится наше предназначение»²⁴. Именно в этом туманном «пророчестве» поклонники Чаадаева видят ключевое место первого письма. Между тем в приведенных словах лишь выявляется самая суть нигилистического отношения Чаадаева к русскому народу, который, оказывается, «как бы» не входит в состав человечества, хотя, возможно, и удостоится этой чести, испытав множество бед и дав миру «какой-то» важный урок. Ничего конкретного, кроме того, что считать русских за людей еще рано.

Для сравнения приведу слова Н. Н. Страхова (1828 – 1896), мыслителя, который кратко выразил свой взгляд на будущее России в следующих словах: «Может быть, нам суждено представить свету самые яркие примеры безумия, до которого способен доводить людей дух нынешнего просвещения; но мы же должны обнаружить и самую сильную реакцию этому духу; от нас нужно ожидать приведения к сознанию других начал, спасительных и животворных»²⁵.

²²Чаадаев П. Я. Философические письма. Указ. изд. С. 23, 24, 27. Приведена лишь самая малая часть подобных «мыслей о России» в первом письме.

²³Левицкий С. А. Указ. соч. С. 75.

²⁴Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 26.

²⁵Страхов Н. Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Книжка первая. СПб., 1887. С. IV.

Здесь все сказано вполне вразумительно. Во-первых, Страхов предупреждает о возможности «самых ярких примеров безумия», если мы, русские, подчинимся духу того просвещения, которое приходит к нам с Запада. Во-вторых, он выражает надежду на то, что мы, русские, осознаем те начала, на которых основано благополучие России. Таким образом, Страхов говорит о том, с чем надо бороться и за что надо бороться, чтобы нас не постигла национальная катастрофа. По существу, в словах Страхова сжато высказана программа национального самосохранения. Такой характер и должно иметь настоящее философское предвидение.

Ничего подобного нет у Чаадаева — только злое русофобское бормотание. Но именно это бормотание выдается за «мысли русского о России». В связи с этим отмечу: в приведенных выше цитатах и Чаадаев, и Страхов говорят от первого лица множественного числа. Но если «мы» Страхова связано с чувством сознательной причастности к русскому народу, то «мы» Чаадаева насквозь фальшиво. С народом, который даже не принадлежит к «человечеству», этот «всего чужого гордый раб» не имел и не хотел иметь ничего общего.

А с кем и с чем страстно хотел? Ответ на этот вопрос дает уже первое письмо, правда, ответ еще не до конца искренний и потому создающий ложное впечатление, что предметом любви и восхищения Чаадаева является Западная Европа как историческое и географическое целое. Да и как не поддаться такому впечатлению, если Чаадаев сообщает, что, «несмотря на всю неполноту, несовершенство и порочность, присущие европейскому миру в его современной форме, нельзя отрицать, что царство Божие до известной степени осуществлено в нем»²⁶. Правда, порочность там, где осуществлено, пусть и «до известной степени», царство Божие — это нечто не совсем понятное. Но позже все станет понятно. А пока подчеркну, что весь смысл исторического развития заключается для Чаадаева в стремлении «к водворению царства Божия на

земле», то есть к созданию земного рая. В это заключается «социальная идея христианства» — идея единства. Верность этой идее гарантирует, что наступит время, когда «все сердца и умы сольются в одно чувство, в одну мысль, и тогда падут стены, разъединяющие народы и исповедания»²⁷.

С точки зрения Чаадаева, осуществление такового полного единства оправдывает любые жертвы: «Пусть поверхностная философия вопиет, сколько хочет, по поводу религиозных войн и костров, зажженных нетерпимостью, — мы можем только завидовать доле народов, создавших себе в борьбе мнений, в кровавых битвах за дело истины целый мир идей, которого мы даже представить себе не можем». Вдумаемся: Чаадаев предлагает завидовать народам, испытавшим ужасы религиозных войн, вроде Тридцатилетней войны 1618 — 1648 гг., когда, по словам историка, в некоторых областях Европы «погибли две трети населения»²⁸.

Подобные пустяки Чаадаева не волнуют. Говоря о Западе в первом письме, он даже выражает убеждение в великой пользе революций, с пафосом заявляя: «Все политические революции были там, в сущности, духовными революциями: люди искали истину и попутно нашли свободу и благосостояние»²⁹. Если вспомнить, что незадолго перед тем Запад пережил кровавую Французскую революцию, а вслед за ней еще более кровавые наполеоновские войны, создается впечатление, что на Западе Чаадаева восхищает буквально все. Это обманчивое впечатление подкрепляют, по-видимому, и следующие слова: «Все европейские народы шли вперед в веках рука об руку; и как бы ни старались они теперь разойтись каждый своей дорогой, — они беспрестанно сходятся на одном и том же пути»³⁰.

²⁶Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 36.

²⁷Там же. С. 32.

²⁸Виноградов П. Г. Учебник всеобщей истории. Ч. III. М. 1905. С. 55.

²⁹Чаадаев П. Я. Указ. соч. С. 34.

³⁰Там же. С. 33.

Вот утверждение, которое, казалось бы, отражает и ситуацию наших дней. Но с одним уточнением: если на чем и «сходятся» европейские народы сегодня, то уж никак не на христианстве, а на сугубо светской, секуляризованной идеологии, которая от христианства все энергичнее дистанцируется. Маленький, но красноречивый пример: руководство знаменитого мадридского клуба «Реал» распорядилось убрать крест из эмблемы клуба «ради укрепления популярности среди мусульман». Правда, Чаадаева наверняка привлекла бы в современном глобализме его вражда к принципу национального суверенитета, ибо «христианское сознание не терпит никакой слепоты, а национальный предрассудок является худшим видом ее, так как он всего более разъединяет людей»³¹.

Характерное утверждение, которое можно назвать главным софизмом всех противников национализма. Последний, конечно, вносит в человечество определенное разъединение, но именно потому, что теснее соединяет, сплачивает каждую отдельную нацию. Внешнее разделение (притом относительное) при внутреннем единении (притом самом тесном) — вот суть «национального предрассудка». Предрассудка в том смысле, что национализм зарождается из воли и чувства, а не из рассудочных соображений.

Попробуем теперь подвести итоги первого «философического письма». В нем Чаадаев провозглашает в качестве высшей ценности христианское единство, притом единство социальное, связанное с «водворением» царства Божия на земле, то есть созданием земного рая. Это единство «до известной степени» осуществилось на Западе, но из него совершенно выпадает Россия, перед которой ставится заведомо утопическая, неосуществимая задача: «мы должны от начала повторить в себе все воспитание рода человеческого»³².

Впрочем, за пределами «воспитания человеческого рода» осталась не одна Россия; уже в первом письме Чаадаев упоминает «абиссинское христианство» и «японскую культуру», характеризуя их как «нелепые уклонения от божеских и человеческих истин». Нам предстоит убедиться, что таких «нелепых уклонений», с точки зрения Чаадаева, несравненно больше: отыщутся они и на Западе, притом там, где мы привыкли видеть высочайшие достижения человеческого духа.

Не будем, однако спешить — сначала познакомимся с тем, что можно считать общими религиозно-философскими взглядами Чаадаева. ■

(Продолжение следует)

³¹ Там же. С. 38.

³² Там же. С. 33.